

УДК 94 (476)/18

С.А. Юрис, Е.П. Нарижная

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В ПЕРИОД ВКЛ И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

В статье показана динамика развития городского самоуправления на белорусских землях в эпоху зрелого и позднего феодализма и восполнены отдельные лакуны в исследовании данной проблемы. Анализируются основные типы взаимоотношений между государственной властью и местным самоуправлением, равно как и между местной феодальной властью и местным самоуправлением. Сделана попытка систематизировать и охарактеризовать особенности органов городских общин с Магдебургским правом, изменчивость их состава и прерогатив. Используется комплексный подход, чтобы исследование охватывало многообразие социально-культурных данных, нехватка которых ощущается, например, при изучении истории XVI, XVII и XVIII стст., при доминировании традиционной социально-экономической и социально-политической проблематики в отечественной историографии.

Введение

Изучение значения органов городского самоуправления и роли самих городских поселений в феодальном социуме активно началось в XIX в. (труды историков М. Кояловича и В. Антоновича) и продолжилось в XX в. (работы М. Довнор-Запольского, В. Пичеты и др.). Эволюция автономии городов как хозяйственно-политических и социокультурных единиц феодальной системы стала предметом рассмотрения З. Копысского, А. Грицкевича, И. Юхо. Исследования, базирующиеся на большом архивном пласте материалов, охватывали широкий круг вопросов: от причин принятия немецкого права до конкретизации реального функционирования судебной практики городского самоуправления.

Характеризуя современный этап развития исторической науки, следует отметить, что работы, посвященные городской и шляхетской культуре, частной жизни привилегированного и мещанского сословий на Беларуси и повседневной истории как отдельному направлению в отечественной истории, до сих пор остаются немногочисленными. Если городская жизнь XIX – первой половины XX вв. или повседневность «штетла» (еврейской общины) еще достаточно глубоко рассматривается, то материалы, посвященные динамике развития городских сообществ, институтов местной власти, являются для многих трудов побочной информацией (за исключением работ С. Стренковского и З. Шибeko). Формы самоуправления и привилегии на него в городах Великого Княжества Литовского основательно анализируются С. Стренковским, а социокультурные аспекты городской жизни – З. Шибeko [1; 2]. Однако некоторые проблемы динамики развития городского самоуправления на белорусских землях до сих пор остаются вне поля зрения исследователей. Актуальность изучения вопросов, связанных с реализацией властных полномочий местного самоуправления на белорусских землях в период Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, объясняется существованием сегодня противоречивых взглядов как на необходимость и сам процесс принятия норм магдебургского права, так и на оценку результатов деятельности местного самоуправления в качестве самостоятельной автономной системы [3–7]. Именно поэтому авторы данной статьи попытались систематизировать и охарактеризовать особенности органов городских общин с Магдебургским правом, изменчивость их этноконфессионального состава и прерогатив. Итоги исследования станут полезными для осмысления целого ряда проблем становления институтов белорусской государственности, понимания специфики действия белорусского законодательства в период Российской империи и более поздние периоды, а также для освещения причин изменений этнокультурного облика городов Беларуси.

Рецепция немецкого права местными правовыми системами

Магдебургское право, пришедшее к нам из разных городов Европы и получавшее каждый раз «новое» название в зависимости от города, взятого за образец (Любек, Магдебург, Хелмн и др.), все-таки преимущественно было немецким. Поэтому процесс наделения городов в ВКЛ и Польше самоуправлением в реальности выглядел как перевод с местного права (польского и русского) с учетом местных традиционных юридических норм на немецкое право, уже включившее в себя фламандско-франконские элементы. Население стало активно добиваться самоуправления, во-первых, защищая его от произвола королевских и княжеских наместников, власти и суда других служебных лиц государства на местах, феодалов, а также дававшего послабление в повинностях. Великому князю, духовенству и шляхте это также было выгодно, ибо давало возможность улучшить состояние своей казны через получение доходов от чинша. Частью этого процесса было наводнение земель Польши и ВКЛ иноземцами с более высокой культурой, трудовой энергичностью, и немецкая колонизация, по утверждению В. Грабенского, тотчас же сыграла важную политическую роль, содействуя росту политический культуры населения [8, с. 74]. Столичные мещане получили Магдебургское право в Кракове по образцу Вроцлава уже в 1257 г. от Болеслава Стыдливового. Если в Польше, с которой ВКЛ было связано династической унией, король разрешил использование самоуправления вначале только одному местному сообществу – немецкой общине, и уже затем польскому населению, то в ВКЛ оно пришло практически без подобных этнических ограничений. Так, 15 августа 1390 г. в Кракове король Владислав (великий князь, господарь литовский и дедич русский Ягайло) выдал грамоту Бресту на Магдебургское право. В ней привилей распространялся на всех жителей города христианской веры, в том числе немцев, поляков и русинов. Немецкая община в г. Вильно при получении магдебургии (1387 г.) была совсем небольшая, а поляков было чуть больше. По утверждению Э. Гудавичюса, ситуация с Каунасом считается «редчайшим случаем, когда немецкая община сыграла столь важную роль в обретении и усвоении городом магдебургии» (1408 г.), она полностью утратила свое значение ко второй половине XV в., уступив литовцам, а «польская экспансия в самоуправляемых литовских городах не была подавляющей» [5, с. 370].

Однако бывали изъятия из этой нормы, обусловленные политической конъюнктурой. Например, великий князь Витовт в 1408 г. в привилее тому же г. Бресту оговорил особо, что на русинов действие Магдебургского права не распространяется, тогда как всем остальным (немцам и литовцам католической веры, схизматикам и неопитам) можно было не подчиняться служебным лицам ВКЛ [9, с. 30–43; 1, с. 40]. Таким образом, в системе развивающегося местного самоуправления в ВКЛ можно выделить два ограничительных фактора, которые проявлялись для местных сообществ в виде цензов либо по конфессиональному, либо по этническому признаку. Этнический признак действовал на более раннем этапе, когда сами великие князья запрещали принимать в свои города ненемецкое население, опасаясь бегства крестьян из их владений в города. Конфессиональный же стал более константным для самоорганизации горожан. В любом случае немецкое право принималось в урезанном виде, так как давалось не всему мещанскому сословию ВКЛ, а лишь отдельному сообществу.

К городам, которые получили Магдебургское право в конце XIV – начале XV вв. (Вильно, Брест, Сурож, Слуцк) добавились Гродно (1496 г.), Дрогичин, Полоцк (1498 г.), Минск (1499 г.). За пользование Магдебургским правом мещане платили довольно значительную сумму, если города были развитыми центрами торговли: 400 коп грошей для Полоцка или 500 коп грошей для Пинска. Кроме того, они получили освобождение от всех натуральных повинностей, лишь иногда замененные чиншем. Первые привилеи содержали только пункты о придании Магдебургского права с освобождением от дей-

ствия других правовых систем, прежде всего, «присуду гродского замкового»; традиционных обычаев и власти государственной администрации; установлении власти войта и его ответственности; избрании рады; городской земле, которую городская община держала на правах коллективного вассала великого князя Литовского, и налогах. Позднее привилеи на Магдебургское право охватывают все большее количество вопросов. Например, начиная с гродненского привилея 1468 г., в их содержание постепенно включаются пункты о праве на гербы, ярмарки, доходы от мер и весов, цирюлен, воскобоен и т.д. Таким образом, видна неравномерная эволюция городского права с постепенным приобретением мещанами своих вольностей и прав, которая напрямую зависела от степени выраженности насущных проблем конкретного города в требованиях горожан и степени их организованного давления.

Города имели элементы самоуправления на т.н. уставном праве, которое формировалось на базе королевских судебных (вилькеров) или ревизорских уставов, в которых оговаривалось введение администрации в составе войта, писаря и др. с правом занятия этих должностей мещанами, а также введение торговых привилеев и налоговых вольностей. В числе представителей городской власти Магдебургское право указывает войта, лентвойта, бурмистров, радцев, лавников. Институт местной власти в лице войта как результат организации местного самоуправления начал оформляться в ВКЛ (Дрогичин – 1429 г., Высокое – 1494 г., Пинск – 1501 г. и др.) еще до массового перевода городов на Магдебургское право, а на восточных землях ВКЛ (в Полоцке, Турове и др.) избрание войтов было традиционным. Об этом свидетельствуют, например, уже вышеупомянутая грамота от 15 августа 1390 г. короля Владислава (Ягайло) Бресту на Магдебургское право, в которой войт города обозначался термином «advocatus». Или обращение всех мещан и войта г. Пинска в 1501 г. к великому князю Александру, где все они «били челом» о кривдах, чинимых княгиней Марией Олелькович, тогда как Пинск получает самоуправление только через 80 лет. Первоначально под этим термином подразумевалось служебное лицо княжеского двора, руководящее замком или местом, в более ранний, полоцкий период часть подобных функций, в первую очередь, сбор налогов, осуществляли тиуны [1, с. 22–38; 10, с. 1; 11, с. 125–126].

Войту – главе городского самоуправления и высшей власти в городе — предоставлялись полномочия главы городского суда, он также являлся апелляционной инстанцией по решениям суда магистрата города. На содержание войта шли доходы в виде каждого третьего гроша с различных чиншей, налогов, третьего гроша или пенязя со всех судебных криминальных и наиболее важных гражданских дел, штрафов и др., как было принято в г. Вильно и других городах ВКЛ [11, с. 131; 4, с. 99]. В немецких городах должность войта была выборной, а в ВКЛ господарь назначал войтов (часто пожизненно) из числа крупных феодалов вплоть до XVI в., когда начинаются исключения из этого правила. Отсутствие выборности войта снижало ценность идеи самоуправления для горожан, так как именно войт, возглавляя выбранную городскую администрацию и суд, должен был обеспечить их правомочность. Поэтому члены городской общины активно стремились отстаивать свои сословные интересы через другие институты городского самоуправления, продолжая добиваться права самостоятельного избрания главы города.

Так, в 1559 г. мещане Орши сами избрали войта, а в Магдебургской грамоте Несвижа от 1586 г. указано, что князь Радзивилл может сам назначить войта, но после смерти первого назначенного войта горожане будут сами избирать две кандидатуры на этот пост. Далее по жребью один из двух претендентов станет войтом. В 1634 г. великокняжеский суд своим постановлением определил, что и в Пинске войта и лентвойта будет избирать «магистрат и поспольство», а в 1661 г. мещане г. Могилева и несколько позже г. Гродно также добились права избрания войта города. В XVII в. право на замещение

должности войта выкупили почти все города, и она превратилась в выборную. Хотя в частновладельческих городах, например, Копыле, владелец по-прежнему сам назначал войта, мог утверждать бургомистров, как указано в Магдебургском привилее этому городу от 1652 г. Избранные войты отсылались на утверждение (конфирмацию) к королю. Воля мещан постепенно в этом процессе стала учитываться. Например, когда мещане г. Кобрин в 1710 г. избрали себе войтом А. Костюшку, а король одновременно дал привилей на войтовство М. Савицкому, то после протеста городской общины король был вынужден отменить свое назначение [1, с. 87]. Для повседневной работы войты назначали себе заместителя – лентвойта. В ранних магдебургских грамотах конца XIV – начала XVI в. указывается, что лентвойт приносит присягу войту, а не городу. На протяжении XVI–XVII вв. процедура принесения присяги также претерпела изменения. Так, магистрат Бреста в первой половине XVII в. настоял на том, что лентвойт, назначаемый по-прежнему войтом, должен приносить присягу уже городу в ратуше. Подобное положение о присяге лентвойта городу закрепляет король Владислав в привилее от 1640 г. жителям г. Лиды. Если должность войта совмещалась с должностью воеводы, то управление радой и представительские функции переходили к лентвойту.

Одним из самых основных принципов городского самоуправления было то, что власть в городе принадлежала его жителям – мещанам, объединенным в местное сообщество – городскую общину, которая являлась коллективным субъектом права. Мещане – жители городов (ремесленники, купцы, домовладельцы и др.) – в XVI вв. составляли 15–16% от всего населения Беларуси. По имущественному положению в среде городского населения выделились три группы. Верхний пласт – верхи городской администрации, крупные купцы, высшее духовенство, землевладельцы. Средний пласт (около 40–50% жителей города) представляли цехмистры, ремесленники, владельцы лавок, служащие магистрата, незлитное духовенство. Низший пласт образовывали городские низы (прислуга богатых горожан, наемные работники, ученики ремесленников). Городские низы, имевшие в своем составе категории «люзных» и «гультьев», не обладали правами мещан и обозначались термином «бедные, худшие». Кроме того, были и крепостные горожане, обычно на территории юридик.

Основные вопросы жизни города община решала на общем собрании, где выбирали и контролировали городские органы власти и суда, проходила смена текущего состава членов магистрата с их обязательным финансовым отчетом. Сильные городские общины сложились в Беларуси еще в XII в. Полоцке, Турове, Пинске и др. [12, с. 92]. Возникновение общин с городскими повинностями (местечек, городов) по всей белорусской территории было обусловлено усилением товарно-денежных отношений, однако не все из них получили право торжища и не во всех их элементы городского самоуправления были признаны государственной властью.

В соответствии с Магдебургским правом горожане также выбирали орган самоуправления – раду и судебный орган – лаву. В состав рады входили бурмистры и радники из числа зажиточных горожан, купцов, лавочных торговцев и других групп, ее численный состав колебался от 6 до 24 человек. Рада обычно из своего состава вместе с войтом избирала двух годовых бурмистров (обычно одного католика и одного православного). Выборы не всегда были прямыми: кандидатов на посты бурмистров мог выбирать войт (что сразу снижало степень самоуправления городской общины, но главное, чтобы соблюдался конфессиональный паритет католиков и православных). Интересно, что в Полоцке в середине – второй половине XVI в. избиралось 8 бурмистров: по неоднократному требованию городской общины на эту уступку пошли великие князья Жигимонт I Старый и Жигимонт II Август. Под председательством бурмистров рады занимались хозяйственными делами, благоустройством города, рассматривали судебные гражданские дела жителей города. На заседания рады могли приглашаться цех-

мистры в качестве представителей от городских цехов ремесленников (еще одного вида местных сообществ). Сеймы XVII в., несмотря на регулярное издание ими законов против роскоши, позволяли-таки войтам, бурмистрам и другим городским сановникам носить драгоценные камни, шелковое платье, ценные меха. Этот момент интересен тем, что таким образом представители местной городской власти из мещан сравнивались хотя бы внешне с привилегированным шляхетским сословием. Это поднимало их социальный статус и среди прочего мотивировало к занятию выборных должностей в системе городского самоуправления.

В работе городского суда под началом войта участвовали избираемые горожанами под контролем магистрата заседатели – лавники. Критериями для избрания являлись срок проживания в городе и значимость кандидата для экономики города. Заседания суда должны были проходить в присутствии не менее половины всех лавников на основе Статутов Великого Княжества Литовского и местного городского права.

В частновладельческих городах обычно судебные дела рассматривал сам владелец города в «замковом» (городском) суде, что ограничивало уровень развития самоуправления в городе. В случае, когда рада и лава объединялись в один орган для совместного решения городских дел, образовывался магистрат. Он имел право назначать себе в помощь людей на должности писаря, шафара (кассира, сборщика налогов), слуг и т.п. Шафара могла делегировать городская община, равно как и «посольство», т.е. людей, избранных и посланных в магистрат для его контроля и помощи. Для заседаний магистрата в городах позже начали строиться специальные здания – ратуши, в которых также хранились городские книги, печать и казна города. Возле ратуши, часто имевшей башенные часы, что было престижно и являлось признаком богатства городской казны, для «ухваления» постановлений магистрат собирал городскую общину: «Зыгромадившиеся до ратуша, все посполство места Полоцкого згодне и одностаине выпостановили и зезволили» [13, л. 4об.].

Направления деятельности магистратов были достаточно разнообразными: они представляли городскую общину, распоряжались городской земельной собственностью, осуществляли прием в состав горожан и городской общины, осуществляли надзор за опекуном несовершеннолетних членов городской общины и состоянием их имущества, следили за исполнением городских привилегий, вольностей, правил занятий ремеслом и торговлей (акты Могилевского магистрата 1578–1580 гг.) [14]. Магистрат переизбирался ежегодно, ему обязаны были подчиняться жители предместий и горожане, независимо от этнической принадлежности и вероисповедания, а также шляхта, которая живет в городе (пинский привилей 1581 г.). Магистраты занимались также вопросами благоустройства, сбором налогов. Кроме того, начиная с гродненского (1526 г.) и пинского привилеев (1633 г.), магистратам запрещалось возвращать панам крестьян, поселившихся в городе (как гласит известная европейская пословица, воздух города делал человека свободным).

Эволюция взаимоотношений местного самоуправления с государственной и местной феодальной властью

Члены городской общины самоуправляемых городов обладали различными правами и привилегиями, но мещане как сословие в целом не имели всей полноты гражданских прав, как шляхта. Одной из главных функций магистратов была представительская: они представляли городские общины перед государственными органами. Именно члены городской власти ходатайствовали перед королями и великими князьями об утверждении привилегий и вольностей горожан. Однако они не имели возможности занимать государственные должности и получать высшие духовные саны, принимать участие в «посполитом рушении». К общественным делам они привлекались только на ос-

новании и в пределах специальных привилегий. В начале XVI в. Краков получил привилегию посылать своих послов на сеймики и сеймы, в 1568 г. это право получил Вильно, позже Львов, Полоцк и другие города. Так, на знаменитый сейм в Бресте 1544 г., где Жигимонт I Старый передавал власть в ВКЛ своему сыну Жигимонту II Августу, ездили полоцкий воевода Станислав Давойна вместе с полоцкими боярами-шляхтой и «мещанами лепшими» [11, с. 130.]. А акт Люблинской унии подписывали уже два королевских городских советника (райцы). Тем не менее из-за численного перевеса шляхетских послов представители местного самоуправления из привилегированных городов были слабой группой давления на политическую власть и перестали постепенно участвовать в законодательной работе, не вступая явно в открытый конфликт со шляхетскими послами по поводу муниципальных свобод. Постоянное их присутствие отмечалось лишь на конвокационных и элекционных сеймах.

Конфликты в городской среде также чаще носили социальный характер, нежели национальный либо религиозный. Напряженная борьба подмастерьев и городской бедноты против мастеров и верхушки городской общины усугубляла кризис городской экономики и приводила к бунтам. Так, в начале XVII в. тяжесть налогов, беззаконие и своеволие магистрата Могилева при раскладке и сборе налогов, злоупотребления властных органов привели к волнениям в городе. Горожане пожаловались королю, образовали контрольно-совещательный орган из 12-ти человек «посполитых», наблюдавших за деятельностью магистрата, и все же летом 1606 г. были вынуждены поднять восстание. Они добивались расширения своих прав, контроля за деятельностью рады, публичной отчетности магистрата о расходах. Руководство восстанием взяла на себя группа ремесленников во главе с цехмистром солодовников С. Митковичем. Повстанцы ворвались в ратушу и потребовали прекратить финансовые злоупотребления. Попытка магистрата разогнать восставших не удалась. Старая рада была распущена, а в июле избрана новая. В ее состав вошли С. Миткович, оружейник Никита, гончар Михаил, портной Федор и другие. Более 2 лет новая рада управляла городом и после истечения срока полномочий уступила место старой администрации. Однако противоречия не были устранены: по-прежнему городом руководили богатое купечество и цехмистры. Летом 1610 г. новое восстание было подавлено королевскими войсками.

Осенью 1615 г. началось восстание в Мозыре, поводом для которого стали действия местного старосты. Государственные имения – староствы – обеспечивали содержание великого князя, его семьи и двора. Старосты, получившие под управление для своего кормления т.н. казенные земли (под залог, на условиях аренды или в награду за службу), стремились удерживать их в руках своего рода как можно дольше, надеясь на стремительное обогащение или перевод хотя бы части земель в вотчинное владение за служебное рвение, погашение в счет великокняжеского долга. Так, Мозырское староство и г. Мозырь, Речицкое староство и г. Речицу поочередно держали Халецкие и Оскерки, занимая посты войтов и старост; Лоев – Юдицкие, Чечерское и Пропойское староствы – Сапеги, Массальские; Гомельское – Чарторыйские; Рогачевское – Воловичи, Юдицкие, Потей. Представители рода Оскерок были заняты на государственно-административной службе в качестве сеймовых послов, стражников ВКЛ, кастелянов. То же можно сказать и о Халецких, из рода которых вышли послы, сеймовые послы, мечники и стражники ВКЛ, подскарбии ВКЛ, маршалки сеймовые, дворные, господарские и воеводы. Выживание шляхетского рода в феодальном обществе было напрямую связано с расширением влияния семьи, клана в политической системе государства. Обратной стороной этого процесса были произвол и беззаконие на казенных землях. Например, хоружий Дрогичинской земли Сернацкий собрал в 1530 г. налог свыше нормы, установленной великим князем и панами рады, а кричевский наместник князь В. Жилинский «назвышь стацей ...кривды и драпежства хотел подданным нашимъ делати». В ответ

на коллективные жалобы населения великий князь Жигимонт I Старый писал: «Естли въ томъ виненъ зостанешъ ...ижь не толко себе держанья збудешъ, але хотя будешъ одинъ грошъ неслушно взялъ, и мы кажемъ на тебе ...оправити и имъ отдати» [15, с. 128].

Самоуправление городов с Магдебургским правом вопреки великокняжеским привилегиям нарушалось чаще воеводами, которые стремились заполучить войтовские доходы, и особенно старостами. Они под предлогом ликвидации конфликтов между воеводой и мещанами в лице войта пытались присвоить себе судебную власть над городами, самовольно вводить подати в свою пользу. Что и произошло в г. Полоцке в 1527 г. и 1558 г., а также в 1615 г. в Мозыре, когда староста самовольно лишил часть мещан Магдебургского права и стал злоупотреблять поборами. Восставшие горожане блокировали замок, избрали нового войта, запретили шляхте появляться в городе. Восстание длилось несколько месяцев. Великокняжеский суд принял решение о переходе горожан, находившихся под юрисдикцией замка, назад магистрату, и для снятия социальной напряженности в доходы городской общины был отдан ряд поборов с торговли и ремесла.

Одним из объективных факторов упадка в будущем самоуправления на белорусских землях стало причисление мещанских занятий к недостойным. Это отталкивало шляхту от торговли и ремесленных занятий, из-за чего города были лишены притока капиталов и труда привилегированного шляхетского сословия. Другим губительным объективным фактором стал «кровавый потоп» XVII столетия, так как в результате войн, начавшихся с 1600 г. и тянувшихся вплоть до 1721 г., более чем в два раза сократилось городское и местечковое население (численность его так никогда уже и не восстановилась). В Витебском, Мстиславском, Полоцком воеводствах было уничтожено от 50 до 70% домов. Население в них сократилось на 50–70%, и только в первой трети XVIII в. численность населения в большинстве восточных городов ВКЛ вновь стала приближаться к 2–3 тыс. человек. Многие города и местечки были разрушены и сожжены неоднократно, что привело к упадку городской культуры, приостановило формирование бюргерства, затормозило этническую консолидацию. Типично европейская средневековая застройка белорусских городов исчезла: возводить заново Оршу, Лиду, Мозырь, Могилев, Витебск, Гродно и другие города оставшимся семьям было не под силу (например, из 500 семей Кричева осталось 20). Относительный рост населения отмечается лишь к концу XVIII в. и приближается к числу в 2,6 млн человек среди 14 млн подданных Речи Посполитой.

Пополнялось городское население теперь в основном за счет еврейской миграции, дающей налоги государству и феодалам. Евреи составляли до 25–40% населения, а в восточных белорусских городах и местечках до половины и более жителей. Крестьяне, выжившие в военное лихолетье, освобождались феодалами на пять или более лет от выплаты налогов и повинностей полностью либо частично, вследствие чего уже не так стремились к бегству на городскую территорию, где к тому же и раньше существовал ограниченный спрос на рабочие руки. Евреи, переместившие на белорусские земли свои капиталы, поддерживали собственную культуру, религию и язык, составив еще одно весомое местное этническое сообщество.

Итак, к середине XVII – началу XVIII в. население городов было уже многоконфессиональным и многоязычным. В городах со смешанной этнической и конфессиональной структурой членами городской рады традиционно избирали католиков и православных поровну, нехристианское население не входило в состав магдебургских городских общин, получая отдельные привилегии. Еврейское население подчинялось власти магистратур только по уголовным делам и судебным тяжбам с христианами. Имея право приобретения в собственность дома, двора и земли в городе, евреи не допускались в магистраты и городские цехи. Их община и территория (штетл) управлялась собранием старшин – кагалом. Синодальные постановления и сеймовые конституции

запрещали им держать христианскую прислугу, кроме кучеров, солодовников и пивоваров, а также обязывали носить желтые шапки [8, с. 230].

Ускорило политическое и экономическое развитие городской общины кризисное состояние мещанского сословия в целом. К концу XVIII в. оно составляло всего 11% белорусского населения и пришло в упадок. Это подтолкнуло правительство Речи Посполитой к реформам. В 1775 г. была введена «генеральная таможенная пошлина», ставшая обязательной для всех, в том числе для короля, шляхты и духовенства. Кроме того, сейм ВКЛ, чтобы ограничить ростовщичество, ввел долговой процент в размере не более 7% для светских и не более 6% для духовных кредиторов. И, главное, шляхетское сословие получило право на мещанские занятия решением этого же сейма. Население отреагировало на изменения в социальном статусе шляхты Речи Посполитой сочинением веселых анонимных стишков, например: «Нынче мерами крупу продает шляхтянка, в город тащится с тюком, впереди служанка, мерит масло ложками, пахтанье – горшками, щеголяет с барыша новыми платками» [16, с. 158].

В 1776 г. все королевские города, кроме воеводских и поветовых центров, были лишены Магдебургского права, так как их жители «не интересуясь купеческим делом, торговлей и ремеслом, неумело занимаются земледелием, судебные дела неправильно решаются не дельными радцами». Суд переходил в руки старост. Магдебургии сохранились только в Вильно, Лиде, Бресте, Волковыске, Троках, Ковно, Гродно, Новогрудке, Пинске, Минске и Мозыре. В частновладельческих городах Магдебургское право было разрешено оставить для решения внутренних вопросов жизни горожан, поэтому владельцы городов добились его принятия даже там, где раньше им не пользовались.

Отмена Магдебургского права вызвала сопротивление горожан. Сеймом была создана специальная комиссия по упорядочению управления городами и взимания с них налогов в королевскую казну и на общественные нужды. Очевидно, что работа Великого Вального сейма (1788–1792 гг.) происходила на фоне роста политической активности городских общин, требовавших в различной форме участия в управлении государством. В апреле 1791 г. сейм вновь реформировал городское самоуправление в Речи Посполитой посредством принятия закона о «Вольных городах королевских». Городские общины, наконец, получили возможность свободного развития, не сдерживаемого феодальным правом, ибо все королевские города объявлялись вольными, получая, таким образом, самоуправление, и король подтверждал их привилегии, многократно ранее издававшиеся с различными изменениями и дополнениями. Недвижимое имущество мещан этих городов признавалось их наследственным владением, потому что мещане теперь тоже «вольные люди», и они получили право неприкосновенности личности, приобретения земельных поместий и занятия государственных должностей. Все торговцы обязаны были принять городское право, т.е. принести присягу королю Речи Посполитой, городу и вписаться в городские книги. И города не должны были отказывать им в приеме. Мещанам, внесенным в городские книги, разрешалось избирать органы местного самоуправления, а также избираться депутатами сейма с правом совещательного голоса. Вместе с тем запрещалось совмещение городских должностей с земскими и военными. Кроме того, на каждом очередном сейме 30 мещан, владевших недвижимостью в городах, могли получать от короля шляхетское достоинство. Те мещане, которые дослужились в армии до чина штабс-капитана, тоже получали шляхетство. Устанавливалось также право свободно менять место жительства. На территории ВКЛ насчитывалось в 1791 г. 70 городов с Магдебургским правом. Однако и после принятия этого закона Станислав Август II издавал отдельные т.н. реновационные привилегии (например, 1792 г.), которые были призваны восстановить действие предыдущих городских привилегий и дать возможность мещанам руководствоваться в своих действиях Конституцией и «правом мейским магдебургским».

Это свидетельствует о том, что городское самоуправление, носившее ограниченный характер и уходящее своими корнями в IX век, на протяжении XVI–XVIII вв. отмечается положительной динамикой развития. Например, оформилась воинская повинность, которая сводилась к возведению городских укреплений и уходу за ними. Добившись во многих городах с Магдебургским правом утверждения процедуры избрания войта, члены магистратов Могилева, Витебска, Гродно получили в 60-х гг. XVII в. главную прерогативу – доступ к правам шляхты. И, наконец, горожане, относящиеся к юридикам, были переданы в 1764 г. под власть магистратов. Таким образом, шло постепенное расширение состава гражданских и политических прав мещан.

Заклучение

Итак, государственное законодательство Речи Посполитой в 1791 г. окончательно юридически оформило мещанство в особое сословие феодального общества. Первое отражение этого длительного процесса можно найти уже в начальных статьях Статута 1529 г., где мещанство выделялось как особый объект права: «Мещан карати не хочем». Несмотря на то, что мещане городских общин Беларуси длительное время находились в неблагоприятных социально-политических условиях, они смогли добиться стабилизации и даже относительного улучшения своего правового положения. Все это вместе поспособствовало вовлечению феодалов в рыночные отношения, дало толчок развитию элементов капитализма в феодальной экономике, а также становлению раннебуржуазного общества и содействовало восстановлению экономики белорусских городов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стрэнкоўскі, С.П. Гарадское самакіраванне ў вялікакняжацкіх уладаннях заходняй часткі Вялікага Княства Літоўскага ў XV–XVIII стагоддзях : дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / С.П. Стрэнкоўскі. – Мінск, 1999. – 151 с.
2. Шыбека, З.В. Гарадская цывілізацыя: Беларусь і свет : курс лекцый / З.В. Шыбека. – Вільня : ЕГУ, 2009. – 372 с.
3. Дмитрачков, П.Ф. О самоуправлении в государственной жизни белорусских земель (IX–XVI вв.) / П.Ф. Дмитрачков // Романовские чтения – 5 : сб. трудов Междунар. науч. конф. – Могилев : УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2009. – С. 6–8.
4. Скеп'ян, А. Сістэма кіравання і самакіраванне Капыля ў XVI ст. / А. Доўнар [і інш.] // Капыль і Магдэбургскае права : нарысы гісторыі горада XIV–XIX стст. – Гродна : «ЮрСаПрынт», 2012. – С. 92–102.
5. Гудавичус, Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 г. / Э. Гудавичус. – М. : Фонд им. И.Д. Сытина : BALTRUS, 2005. – 679 с.
6. Доўнар, Т.І. Грамата на Магдэбургскае права гораду Мінску 1499 г. / Т.І. Доўнар // Магдэбургскае права на Беларусі : матэрыялы навук. канф., прысвечанай 500-годдзю выдачы г. Мінску граматы на Магдэбургскае права / БДУ; Акадэмія МУС Рэсп. Беларусь; Беларускі недзярж. ін-т правазнаўства; рэдкал.: У.М. Хоміч, Т.І. Доўнар, І.А. Юхо. – Мінск : Право и экономика, 1999. – С. 10–14.
7. Голубеў, В.Ф. Эвалюцыя сацыяльнай арганізацыі насельніцтва Беларусі XIII–XX ст.: ад тэрытарыяльнай грамады да грамадзянскай супольнасці / В.Ф. Голубеў // Этносоциальные и конфессиональные процессы в трансформирующемся обществе : Материалы междунар. науч. конф. : в 2 ч. – Гродно : ГрГУ, 2001. – Ч. 2. – С. 151–155.
8. Грабеньский, В. История польского народа / В. Грабеньский. – Минск : МФЦП, 2006. – 800 с.
9. Дзярновіч, А.І. Ab ovo: што з'явілася спачатку – вялікі князь літоўскі ці Вялікае княства Літоўскае? / А.І. Дзярновіч // Studia Historica Europae Orientalis = Ис-

следования по истории Восточной Европы : науч. сб. / РИВШ. – Минск, 2009. – Вып. 2. – С. 30–43.

10. Акты Литовско-Русского государства / Изд. М.В. Довнор-Запольский. – Вып. 1. – М., 1899. – № 1.

11. Варонін, В.А. Арганізацыя гарадской улады ў Полацку ад канца XIV да сярэдыны XVI ст. / В.А. Варонін // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. / РИВШ. – Минск, 2010. – Вып. 3 – С. 124–134.

12. Беларусь: страницы истории / Нац. Акад. Наук Беларуси, Ин-т истории; ред совет: А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 408 с.

13. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 1823. – Оп. 1. – Д. 1. Акты книги Полоцкого магистрата за 1656–1657 гг.

14. Акты, издаваемые Виленскою комиссією для разбора древних актов : в 39 т. – Вильно, 1865–1915. – Т. 39: Акты Могилевского магистрата XVI в. (1578–1580). – 664 с.

15. Цішчанка, В.В. Аспекты адміністрацыйна-маёмаснай і судовай практыкі вялікіх князёў ў Вялікім Княстве Літоўскім (канец XV – першая трэць XVI ст.) / В.В. Цішчанка // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. / РИВШ. – Минск, 2009. – Вып. 2. – С. 123–135.

16. Польская поэзия XVII в. / Сост. А. Панченко. – Л. : Худ. лит., 1977. – 208 с.

Uris S.A., Narizhnaya A.P. Dynamics of Urban Self-government on the Belarusian Lands in the Period of GPL and Rzechpospolita

The article shows the dynamics of urban self-government on the Belarusian lands in the era of mature and late feudalism and some gaps on the issue are filled in. The main types of relationship between public authorities and local self-government are discussed, both between local feudal authority and local government. An attempt to systematize and characterize the features of urban communities with Magdeburg Law, the variability of their composition and powers were made. An integrated approach is used in order to cover a diversity of socio-cultural data, lack of which in the sixteenth, seventeenth and eighteenth centuries where the dominance of traditional socio-economic and socio-political perspective in the national historiography is sensible.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 27.11.2012